

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. М. ДЪЯКОНОВ, История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, 485 стр.

Выход в свет книги И. М. Дьяконова «История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э.» является крупным событием в советской историографии древнего Востока.

История Мидии относится к наиболее сложным и неразработанным вопросам истории древнего Востока.

Рецензируемая книга в настоящее время, пожалуй, является наиболее обширным и всесторонним исследованием, посвященным древнейшему периоду истории населения северо-западного Ирана. Работа И. М. Дьяконова основана на тщательном изучении первоисточников, в первую очередь клинописных материалов (ассиро-вавилонские, эламские, урартские). Автор, ассириолог по своей основной специальности, с большой широтой и основательностью проштудировал и использовал также ираноязычные источники, в особенности Авесту и древнеперсидские надписи.

Кроме прекрасного знания клинописного материала, автору при создании его ценного исследования сильно помогло и то обстоятельство, что за последние десятилетия как в советской, так и зарубежной науке были достигнуты значительные результаты в изучении языков и истории ряда древневосточных племен и народностей (загро-эламские и хурри-урартские племена и т. д...), имеющие большое значение для воссоздания картины исторической жизни на территории северо-западного Ирана в древнейшую эпоху. Нельзя сказать, что и археологический материал остался вне поля зрения автора — этот материал им часто привлекается при освещении того или иного вопроса; однако, как отмечает сам автор, книга не претендует на полное использование археологического материала. В отличие от зарубежных работ по истории Мидии, книгу И. М. Дьяконова выгодно отличает концентрация внимания на вопросах социально-экономического развития постольку, поскольку автору это позволял имеющийся в его распоряжении довольно скудный материал.

Исследование начинается обзором источников и историографии вопроса. Однако этот обзор, в частности, обзор клинописных памятников, в некоторых своих частях по крайней мере, является весьма кратким и порой не дает ясного представления о ценности названных источников для воссоздания древнейшей истории северо-западного Ирана. Это, в частности, относится к упоминанию урартских источников (стр. 14), содержащих много ценного материала по истории означенных областей. Автор, несомненно, прав, утверждая, что среди рассмотренных им исторических источников клинописные материалы, в частности, ассиро-вавилонские и урартские надписи IX—VI вв. до н. э., являющиеся в большинстве своем современными описываемым событиям, представляются наиболее достоверными (стр. 45).

Утверждение, что «Авеста по содержанию крайне реакционна» (стр. 55), нельзя принять безоговорочно, если, конечно, не исходить из слишком общего положения, что всякая религия реакционна. Содержащиеся в Гатах и в Ясна XII призывы к мирному оседлому скотоводству, к прекращению насилий и хищничества, демократический дух таких строф, как Ясна 27, 13, где Зороастр зовется «пастырем бедных», как Яшт 10, 84, где обездоленному обещается помощь бога Митры, как Ясна 34,5 и 53,9, где Зо-

роастр обращается к богам с просьбой не лишить своего покровительства бедных, — все это говорит о том, что ранний зороастризм включал элементы прогрессивной идеологии (чего нельзя, разумеется, сказать о зороастризме сасанидской эпохи).

Всячески нужно приветствовать выделение в качестве отдельного параграфа вопросов, связанных с использованием данных языка как исторического источника. В изучаемой автором области это особенно важно, так как именно данные языка часто здесь восполняют пробелы нарративных исторических источников.

Что касается иранского языкового мира, глава «Язык как исторический источник» основана на правильных методологических предпосылках и дает в общем верную картину. Нельзя только согласиться с тем, что все те персидские слова, которые отходят от «чисто персидских» звуковых норм, должны рассматриваться как усвоенные из мидийского. Правильнее говорить о вкладе из мидо-парфянской (в некоторых случаях также восточноиранской) среды, поскольку упомянутые звуковые особенности не составляли исключительного достояния мидийского. Даже слово *farra* в этом отношении не показательно, так как переход *hv* — *f* встречается sporadически в других языках (осетинское *fun* «сон» из *hvaŋna*). Что касается слов *arta*, *xsaθra*, то нет никаких оснований утверждать, как это делает автор (стр. 374), что именно от мидян они попали к скифам.

Утверждение о существовании мидийской письменности, послужившей образцом для древнеперсидской (стр. 366 сл.), высказывалось и раньше, и оно, вообще говоря, не лишено правдоподобия. Однако пока не найдена хоть одна надпись на мидийском языке, оно остается гипотезой, на которой нельзя ничего строить.

Естественно, что автор уделяет здесь много внимания этногенетическим вопросам, так как именно для освещения этих вопросов и привлекается в первую очередь данный языковой материал. Однако, уделяя много внимания общим методологическим (и вовсе не спорным) вопросам, автор нередко воздерживается от приведения и анализа соответствующего конкретного материала, что, нам кажется, было бы желательно. Так, касаясь вопроса об определении языков древнейшего населения северо-западного Ирана и совершенно правильно указывая на трудность этой проблемы, автор ни во введении (стр. 61 сл.), ни в дальнейшем (некоторое исключение составляет вопрос о касситском языке — см. стр. 121, прим. 2 и др.) не приводит и не анализирует тот конкретный материал, на котором исследователи основывают свое суждение по данному вопросу.

Относительно родины Авесты автор занимает колеблющуюся позицию («если Авеста написана в Мидии...», стр. 53; «если верна теория мидийского происхождения Авесты...», стр. 65; «Мидия или Средняя Азия...», стр. 390). Жаль, если эти колебания являются данью наметившейся у нас в одно время неправильной тенденции, начальным памятником которой останется статья об Авесте во втором издании БСЭ («Учение Заратустры зародилось и первоначально развивалось в древнем Азербайджане»). Правда, автор отмежевывается от такой крайней точки зрения и полемизирует с ней (стр. 53 сл.), но не проявляет тут должной последовательности, в особенности когда он в дальнейшем неоднократно заявляет, что именно мидийские маги были первыми зороастрийцами (стр. 378 сл., 380, 391). Может быть, на современной стадии разработки вопроса следовало бы решительнее сформулировать вывод, наиболее отвечающий объективному изучению фактов: Авеста возникла в восточном Иране и лишь редактировалась и дополнялась на Западе. В этой связи следует указать и на неточность утверждения, будто страна Эран-веж не локализуется (стр. 53, прим. 4, стр. 54, прим. 2). Тождество Эран-вежа с Хорезмом можно считать доказанным. Попутно следует также устранить недоразумение, будто в Авесте упоминается Вавилон в форме *Vawṛi* (стр. 48, прим. 4). *Vawṛi* значит «(страна) бобров».

Говоря о ведущей роли мидийского элемента в этногенезе азербайджанцев, автор ни разу не упоминает в этой связи курдов, преемственная связь которых с мидийцами устанавливается такими крупными специалистами, как В. Минорский.

В кратком очерке изучения истории Мидии в современной науке (стр. 71—82) автор дает в основном правильную оценку трудам отдельных исследователей. Нельзя

не признать справедливой содержащуюся в книге резкую оценку работ некоторых западных ученых по древнему Эламу и древней Мидии. Должное внимание уделяет здесь же автор критике реакционных теорий буржуазных ученых. Однако характеристике советских работ по древней Мидии и истории загро-эламских племен автор уделяет явно недостаточное место.

«Введение» книги содержит также специальный параграф, посвященный географическим условиям изучаемой области (стр. 82 сл.). Здесь же, говоря о территории исторической Мидии, автор упоминает и те древние названия, которые засвидетельствованы в исторических источниках в отношении данной области. При локализации этих древнейших областей автор, как правило, не дает соответствующего анализа источников, позволяющего локализовать ту или иную древнюю область в названном им месте. Необходимость же этого явно чувствуется, так как по имеющемуся в нашем распоряжении материалу локализация этих названий порой является весьма трудной, и не все выводы автора, так же как и других исследователей, по данному вопросу можно считать бесспорными. Сам автор отмечает, что «ряд западных ученых (Биллербек, Рост, Штрек, Тюрро-Данжен, Форрер, Райт и др.) специально занимался проблемой исторической географии IX—VII вв. до н. э., но далеко не во все вопросы внесена здесь достаточная ясность» (стр. 86).

Используя в основном новые работы по археологии Ирана, автор рисует картину общественного развития на территории Мидии в эпоху каменного века и энеолита (стр. 94—98), а затем дает очерк истории отдельных этнических групп, живших в древнюю эпоху на территории Мидии (хурриты, эламиты, луллубеи, кутии, касситы и др.).

Говоря о распространении хурритов на территории Ирана (стр. 98), следовало, как нам кажется, коснуться вопроса о путях и времени появления хурритов в этих областях. В связи с хурритами автор мог бы рассмотреть также вопрос о проникновении индо-иранских племен уже во II тысячелетии до н. э. в Северную Месопотамию и Северную Сирию. Ведь предполагаемое движение этих племен, если оно имело место, должно было произойти именно через области исторической Мидии. Рассмотрение вопроса о наличии индо-иранских племен уже во втором тысячелетии до н. э. на территории распространения политической гегемонии хурритов тем более было необходимым, что вопрос о проникновении иранского этнического элемента с востока на запад является одним из основных вопросов, рассматриваемых в книге.

В очерке о луллубеях автор подробно касается фактов, относящихся к III тысячелетию до н. э., однако почти ничего не говорит о взаимоотношениях луллубеев с хурритами и хеттами во II тысячелетии до н. э.

Наиболее подробно и основательно рассмотрен автором вопрос о племенной группе кутиев (стр. 104 сл.). В данном очерке (стр. 110), также и в других местах своей книги, автор неоднократно высказывается в пользу предположения об однородности древнейшего населения Мидии и Кавказской Албании. В научной литературе в связи с этим мы находим немало интересных наблюдений, однако нигде автор не старается рассмотреть те данные, на основании которых ставится этот вопрос.

Весьма ценным является рассмотрение автором вопроса о взаимоотношении кутийских племен с древнейшими государствами Южного Двуречья. Заслуживает внимания попытка увязать историю кутийского вторжения и владычества кутиев с процессом внутреннего социального развития населения Южного Двуречья. Здесь же обращают на себя внимание наблюдения автора в связи с вопросом о развитии искусства Южного Двуречья в эпоху кутийского владычества и о памятниках, являющихся предположительно кутийскими изделиями.

В очерке, посвященном главным образом касситам, автор правильно подчеркивает близость касситского языка к эламскому и отвергает необоснованные предположения, высказанные некоторыми западными учеными об этнических связях касситов с индоевропейцами. Данный параграф, как и параграф, посвященный кутийским племенам, представляет большой интерес не только с точки зрения истории загро-эламских племен, но и с точки зрения истории древней Вавилонии, в истории которой касситы, как известно, сыграли выдающуюся роль.

В книге, посвященной древнейшей истории Мидии, история государства Манна должна занимать почетное место. Манна являлась государственным образованием, непосредственно предшествующим появлению могучего Мидийского царства. Поэтому вполне понятно, что в работе И. М. Дьяконова история Маннейского царства нашла рельефное отражение.

Автор, на наш взгляд, правильно определяет маннейское население как принадлежащее «лулубейско-кутийской» этнической группе. Наряду с Манна автор должное внимание уделяет также другим крупным объединениям населения северных областей Нагорного Загра (Замуа и др.) и их борьбе против Ассирии в первые века I тысячелетия до н. э.

В этой же связи автор касается также важного для истории древнего Ирана вопроса о стране Парсуа, упоминаемой в ассирийских и урартских источниках. Автор при этом подробно останавливается на вопросе о локализации Парсуа и приходит к выводу, что под этим названием подразумевались южные районы страны Замуа, что Парсуа была расположена южнее Малого Заба и на верхней Дияле (стр. 161). Однако, как нам кажется, названный район являлся лишь южным пределом распространения названия Парсуа в данную эпоху. И. М. Дьяконов не согласен с теми исследователями, которые помещают Парсуа намного севернее. Однако урартские источники, по нашему мнению, подтверждают предположение о распространении названия «Парсуа» на область, лежащую непосредственно к югу от Урмийского озера. В одной надписи урартского царя Ишпуини и его сына Менуа (УКН, № 24) говорится о покорении страны Баршуа (Парсуа) и его города Меишта. «Город Меишта» в урартских текстах упоминается еще в надписи царя Менуа из Таштепе (УКН, № 29). Эта надпись высечена на скале около совр. Мпандуаба (северо-западнее от него), близ юго-восточного побережья Урмийского озера. И здесь речь идет о завоевании города Меишта и отсюда — страны Манна. Можно заключить, что Меишта находился в районе местонахождения данной надписи (такая локализация Меишта принимается и И. М. Дьяконовым — см. стр. 170), на пограничной с Манна территории страны Баршуа (Парсуа). Это обстоятельство указывает, по нашему мнению, на то, что в северном направлении территория страны Парсуа (Баршуа) простиралась почти до самого южного побережья Урмийского озера.

Излагая историю борьбы приурмийских, а также мидийских племен против Ассирии и Урарту в конце IX и начале VIII вв. до н. э., автор приходит к важным с точки зрения истории Мидии заключениям, что наступление Урарту спасло Мидию от подчинения Ассирии, а последовавшая вслед за этим консолидация приурмийских племен вокруг Маннейского царства спасла ее уже от подчинения государству Урарту. Преодолев в середине VIII в. до н. э. сопротивление Манна, правителям Урарту уже не удалось развить свой успех в сторону Мидии; усилившаяся Ассирия преградила путь дальнейшему продвижению Урарту на юго-восток (стр. 172).

Основываясь главным образом на сведениях, сохранившихся в ассирийских источниках, И. М. Дьяконов в своей книге дает очерк государственного устройства Маннейского царства (стр. 173—175). В приведенной здесь интерпретации некоторых ассирийских текстов нам трудно согласиться с автором. Сообщение Ашшурбаналала о восстании во время вторжения ассирийцев в Манну народа Манны против своего царя Ахшери автор склонен считать указанием на то, что здесь произошло восстание «против своих эксплуататоров» и что мы здесь имеем дело с «исключительным явлением в истории Востока того времени» (стр. 174, ср. стр. 283) и т. д. Однако вряд ли все это вытекает из сообщения Ашшурбаналала, и вряд ли следует это восстание противопоставлять как «народное» дворцовым переворотам, восстаниям вельмож и войска и т. д. То, что результатом восстания была всего-навсего замена Ахшери на маннейском престоле его сыном Уалли, подчинившимся ассирийцам, также указывает, что и в данном случае речь идет о выступлении знати. Красочное описание восстания против Ахшери понадобилось Ашшурбаналалу, очевидно, лишь для того, чтобы показать, как боги наказали его противника: «[Ашшур (и)] Иштар, — говорит Ашшурбаналал, — отдали Ахшери, не чуждого моего владычества, в руки его рабов» и т. д. При инозем-

ном вторжении и военных неудачах в первую очередь именно знать не упускала возможности поднять восстание и освободиться от неугодного им правителя. Также и из того факта, что перед Саргоном II маннейский царь явился вместе «со своими великими, старейшинами, советниками, родичами, наместниками и предводителями, ведающими его страной», вряд ли следует, что в Манна существовал совет старейшин, ограничивающий власть царя, и что этот совет по типу и составу был очень близок к совету (pankus) хеттского царя (стр. 174—175). Во всяком случае, основываясь лишь на этих указаниях текстов, подобный вывод кажется явно преувеличенным.

Исследуя вопрос о начале государственности на территории мидийского союза, автор принимает распространенное в научной литературе отождествление геродотовского Дейока с упоминаемым у ассирийского царя «маннейским наместником Дайукку» (стр. 176 сл.). Однако, как нам кажется, без сильной натяжки с этим отождествлением трудно согласиться. Кроме названия «Дайукку» (имя, очевидно, хурритского происхождения; засвидетельствовано уже в именах из Нузи и, очевидно, с тех пор было широко распространено в этих областях) никаких фактических оснований для данного отождествления у нас нет. Дайукку ассирийских источников — очевидно, правитель небольшой маннейской области в южной части страны Манна, непосредственно соприкасающейся с Ассирией уже в эпоху, предшествующую знаменитому походу Саргона II против Урарту (714 г. до н. э.)¹.

Используя широкий круг источников (Авеста, ассирийские и древнеперсидские надписи, сочинения греческих авторов, данные языка и т. д.), автор воссоздает яркую картину складывания рабовладельческого строя на территории Мидии (гл. II, § 5 сл.). Излагая дальнейшую историю взаимоотношений мидийских и других соседних племен с ассирийцами (гл. II, § 6), автор вновь возвращается к вопросу о Дайукку ассирийских источников и склонен видеть в нем лицо, сыгравшее большую роль в возникновении мидийской государственности. При этом перед автором встает сложная проблема локализации области этого Дайукку. И. М. Дьяконов правильно отмечает, что если бы область Дайукку находилась в южной части равнины страны Манна, «то именно здесь бы и в дальнейшем развивалась мидийская государственность... однако мы знаем, что государство Мидия развилось не здесь» (стр. 204). Автор при этом старается на основании ряда априорных положений локализовать эту область в другом месте. Однако, как об этом говорилось выше, по ассирийским текстам область Дайукку нужно скорее всего локализовать именно в южной части Манны, в непосредственной близости к Ассирии, и это обстоятельство является лишним препятствием для отождествления Дайукку Саргона II с геродотовским Дейоком.

С прекрасным знанием материала написаны страницы книги, посвященные широко документированной ассирийскими источниками истории борьбы Ассирии и Урарту за приурмийские области (конец VIII в. до н. э.) (стр. 205 сл.). Автором тщательно исследованы экономические и политические факторы, способствовавшие усилению Маннейской державы (стр. 218—219). Так же подробно изучены вопросы дальнейших взаимоотношений Ассирии с населением Мидии.

Специальный параграф посвящает автор этническому составу населения Мидии в конце VIII в. до н. э. (гл. II, § 8; стр. 225—227). В книге правильно подчеркивается наличие на территории Мидии все еще значительного слоя агро-эламских (кутийско-дуллумейских или каспийских) племен. Однако нам не кажется убедительной высказанная здесь мысль о наличии в районе Урмии к этому времени сколько-нибудь значительного хурритского населения и о принадлежности упомянутых античными источниками матиенов к хурритам (стр. 226). Вряд ли на основании всего, что нам известно из конкретного материала, можно говорить также о том, что, наряду с урартийцами и хурритами, Урартская держава включала в себя также иберо-грузин и армянов (армян) (см. там же). Вполне вероятно, что эти последние на самом деле жили в то время на окраинах «Урартской империи» и порой подвергались нашествию со стороны

¹ См. Г. А. Меликишвили, Наири — Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 283.

урартийцев, однако правителям Урарту вряд ли удавалось включить в границы своего государства сколько-нибудь значительную массу этих племен.

Подробно изложены в книге И. М. Дьяконова события бурной эпохи киммерско-скифских вторжений (стр. 228 сл.). Анализируя обширный материал, автор, по нашему мнению, приходит к правильному выводу, что в узком смысле «киммерийцы» — это не обозначение всего доскифского населения Северного Причерноморья, а название небольшой группы племен, кочевников, вторгшихся в VIII в. до н. э. в Переднюю Азию (стр. 238). Вероятно, мы здесь имеем дело с частью большой группы племен, обозначаемых в науке как «скифы» (стр. 241). Что касается сложного вопроса о местонахождении «Скифского царства», хотя этот вопрос все еще нельзя считать решенным, однако мысль о том, что один из политических центров скифского могущества находился в Закавказье, в частности, на территории исторического Сакашене, которой придерживается и автор рецензируемой книги, несомненно, имеет веские основания. Однако, с другой стороны, наличие скифского элемента на территории самой Манна также, как нам кажется, не лишено основания. Открытие Саккызского клада с характерными для скифского искусства предметами также может являться подтверждением этого предположения. Мнение Годара, датировавшего предметы этого клада IX веком и пытавшегося утверждать маннейское происхождение скифского искусства, которому склонен отдать предпочтение автор рецензируемой книги, вызывает серьезные возражения. Скорее всего, как полагают Р. Гиршман, Б. Б. Пиотровский и другие специалисты, этот клад нужно датировать VII веком до н. э.

Вообще, одной из положительных сторон книги И. М. Дьяконова, по нашему мнению, является детальное рассмотрение вопросов о «Скифском царстве» и о роли скифов в событиях, связанных со становлением Мидийской державы. Конечно, дело касается столь сложных вопросов, что многие выводы автора в связи с этим не могут не быть гипотетичными. Поднятые здесь автором вопросы, имеющие важное значение не только для истории Мидии и вообще древнего Востока, но в еще большей степени для древнейшей истории народов нашей страны, несомненно, станут предметом дальнейшего изучения как самого автора, так и других советских специалистов.

Тщательно изучая вавилонские источники, а также сведения греческих авторов, И. М. Дьяконов раскрывает перед нами картину войны Мидии в союзе с Вавилонией, против Ассирии в конце VII в., окончившейся разгромом Ассирийской державы. Однако, возможно, автор здесь допускает определенное преувеличение, когда данную войну против Ассирии представляет как освободительную, утверждая, что многие народы Передней Азии, в особенности занимавшие периферийное положение по отношению к Ассирии, приняли непосредственное участие в войне на стороне Мидии (стр. 313) и что победа Мидии рассматривалась как всенародная победа широких масс населения Передней Азии над ассирийскими поработителями (стр. 314) и т. д. Для обоснования этого И. М. Дьяконов указывает лишь на армянскую легенду, сохраненную Моисеем Хоренским, об участии армянского вождя в разгроме Ассирии (стр. 313). Однако нам неизвестны другие подобные факты. Наоборот, нам известно, что многие враждовавшие до того с Ассирией государства в то время спешат прийти ей на помощь: так ведут себя Урарту, Манна, Египет; ассирийцы находят опору и в Сирии. Во всех этих областях прекрасно знали, что из себя представляли ассирийцы, однако, очевидно, они хорошо разбирались и в создавшейся обстановке и вполне резонно считали Мидию более опасной для себя, чем находящуюся на краю гибели Ассирию.

Очень бедна глава о материальной культуре Мидии (стр. 363—366). Между тем есть основания думать, что Мидия была крупнейшим центром медной и бронзовой культуры, влияние которого распространилось далеко за ее пределы вплоть до Восточной Европы. Славянское название металла мѣдь оказывается не чем иным, как древнеславянским названием Мидии: как римляне называли медь суррум, потому что получали ее с Кипра, так славяне называли этот металл мѣдь, потому что получали его из Мидии.

Содержание книги настолько обширно и богато, что сделанные частные замечания не могут умалить ее достоинств и значения. Особо ценны самостоятельность

автора в трактовке ряда вопросов, осторожное и критическое использование предшествующей литературы, обращение к многоязычным первоисточникам, которые для истории Мидии чрезвычайно многообразны. Последняя черта — обращение к первоисточникам, минуя «вторые руки», — характеризует лучшую традицию русского востоковедения, традицию Б. А. Тураева, В. В. Бартольда и других. С появлением книги И. М. Дьяконова советское востоковедение обогатилось фундаментальной работой, подводящей итог предшествующему изучению вопроса и открывающей новый этап в этом изучении.

Г. А. Меликишвили
В. И. Абасов

* * *

Соглашаясь с общей оценкой книги, высказанной предшествующими рецензентами, мы считаем, что работа И. М. Дьяконова является первой серьезной попыткой создания марксистского труда по истории Мидии. Именно поэтому представляется необходимым подробнее рассмотреть некоторые важные вопросы, затронутые в этой книге.

Одним из этих вопросов является вопрос о характере переворота Гауматы. Прежде всего надо отметить, что, рассказывая об этом перевороте, автор допустил ряд фактических ошибок. Например, он пишет (стр. 425, прим. 4), что «по Ктесию, на Бардию-Сфендадата донес Камбису маг, носивший то же имя Сфендадат...». Однако в действительности, по Ктесию (см. издание Firmin-Didot, стр. 47—48), младший сын Кира II Бардия назывался не Сфендадатом, а Таниоксарком, т. е. именем, отличным от имени мага Сфендадата. В другом месте (стр. 425, прим. 4) И. М. Дьяконов говорит, что убийство Таниоксарка, по Ктесию, имело место «якобы за пять лет до смерти Камбиса. Сказочный характер Ктесиева сообщения очевиден». С этим нельзя согласиться, так как это сообщение Ктесия о времени убийства Таниоксарка находится в поразительном соответствии с аналогичным сообщением Бехистунской надписи, где сказано, что Камбис сначала убил Бардию, а потом отправился покорять Египет. Как известно, Египет был завоеван Камбисом в 525 г. до н. э. Но, так как от момента убийства Бардии до завоевания этой отдаленной от Персии страны должно было пройти около года, убийство это следует датировать 526 г. Тем самым Бехистунская надпись подтверждает сообщение Ктесия о пятилетнем промежутке между убийством Бардии и смертью Камбиса, последовавшей в июле 522 г. Ктесий — единственный античный автор, которому известна была официальная дата убийства Бардии. Поэтому нельзя согласиться с утверждением автора, что Ктесий «без стеснения прибегал к вымыслам», что он преднамеренно искажал находившийся в его распоряжении материал (см. стр. 25—26, 414 и прим. 1). В действительности же Ктесий, проведя 17 лет при дворе Артаксеркса II, прекрасно был знаком с дворцовой и народной традицией персов и добросовестно излагал ее. Однако к его времени персидская традиция стала менее достоверной. Поэтому сведения, сообщаемые Ктесием, очень часто ошибочны. Тем не менее в некоторых отношениях Ктесий гораздо ближе к Бехистунской надписи, чем даже Геродот.

При рассмотрении причин переворота Гауматы автор исходит из неверного и, на наш взгляд, странного утверждения, что в древности «еще не было четкого сознания... народной принадлежности, а только племенной или общинной» (стр. 429, прим. 1). Однако Дарий называет себя не просто Ахеменидом, но с гордостью добавляет, что он перс. А повсеместные восстания, которые в 522—521 гг. вспыхнули против Дария и вообще против господства персов, безусловно, являлись восстаниями не «общинными» или «племенными», а народными. Вопреки мнению автора, восставшие очень четко различали свою принадлежность к тому или иному народу. Нельзя ведь утверждать, что, например, мидяне, которые выступали против Дария, не чувствовали своей принадлежности к мидийскому народу. Восстание в Мидии, возглавленное Фраварти-

шом и продолжавшееся около восьми месяцев, было возможно только при полной осознанности восставшими глубоких противоречий между мидийским народом в целом и господствующими слоями персов. Следует иметь в виду также и то, что Бехистунская надпись говорит о восстании не того или иного мидийского племени, а о восстании именно мидийского народа (*kāra māda*).

Автор делает много необоснованных уступок теории о промидийском характере переворота Гауматы. Так, например, он неправильно рассматривает слово «маг» в Бехистунской надписи как обозначение этнической принадлежности Гауматы к мидьянам (стр. 375). Этническое значение слово «маг» приобрело позже, у греческих авторов, а в Бехистунской надписи имеет профессиональное значение. Автор, исходя из того, что у Ктесия Таниоксарк назван сыном дочери Астиага Амитиды, приходит к выводу, что мидяне не считали Таниоксарка сыном Кира и что версия Ктесия — мидийская (стр. 416). Однако, во-первых, акад. В. В. Бартольд¹ давно и убедительно доказал, что версия Ктесия не мидийская, а бактрийско-сакская. Во-вторых, как уже говорилось, Ктесий прямо пишет, что Таниоксарк был сыном Кира. Автор ошибается, допуская возможность, что местность Пишияувада (у автора ошибочно названа крепостью, однако см. Бехистунскую надпись I, 36—37) и гора Аракадриш, где началось восстание Гауматы, были расположены в Мидии (стр. 426). Место восстания Гауматы — Пишияувада — находилось в восточной части Персии, как это видно из описания в Бехистунской надписи восстания Вахъяздаты, который также нашел здесь поддержку. Бехистунская надпись (IV, 9—10), как это отмечает и сам автор (стр. 426), ясно указывает, что Гаумата возмутил Персию. При рассказе о восстании Вахъяздаты сказано (БН, III, 23—24), что он восстал в Персии вторым. Значит, первым, кто поднял восстание в собственно Персии, был опять-таки Гаумата. Значит, Пишияувада находилась в Персии².

И. М. Дьяконов, по нашему мнению, прав, когда он считает, что Гаумата не являлся сторонником восстановления Мидийского государства. Но тем не менее он полагает (стр. 432), что «впоследствии сторонники Дария стремились убедить персидские народные массы в том, что свергнутый Гаумата якобы хотел отобрать власть у персов и, будучи сам мидянином, вернуть эту власть Мидии; эта версия сквозит и в надписях Дария I и у Геродота (III, 65 и 126)». И далее автор ссылается на надписи Дария Pers. C и NPa. Однако в пользу такого вывода в этих надписях нет никаких данных. В надписях Дария, правда, подчеркивается роль персов. Это вполне естественно, поскольку персы были господствующим народом. Но в этих надписях нет и намека на то, что Дарий избавил персов от мидийского порабощения. Со временем прославление Дария и его помощников в убийстве Гауматы достигло большого размаха, но дело всегда изображалось так, что Дарий освободил персов и остальные народы от лжи, зла, хаоса. Гаумата изображался не мидийским избавителем, а символом зла, воплощением лжи и т. д. Следует также учесть и то, что у Ктесия борьба мага Сфендадата за власть характеризуется как чисто личная, а о борьбе за восстановление мидийского господства ничего не говорится. Сфендадат у Ктесия не имеет никакого отношения к Мидии. Поэтому утверждение И. М. Дьяконова, что «слухи о мидийском происхождении нового царя (как можно заключить из Ктесия) возбуждали к нему симпатии в Мидии, и, вероятно, он и сам искал в Мидии опоры» (стр. 432), является ошибочным. Из надписей Дария и из свидетельств Ктесия ясно, что трактовка политики Гауматы как мидийской реставрации была чужда даже самой официальной персидской традиции.

На стр. 427 автор говорит об убийстве Гауматы «Дарием и его семью сторонни-

¹ В. В. Бартольд, К истории персидского эпоса, ЗВОРАО, 1915, стр. 259.

² Многие исследователи отождествляют Пишияуваду со столицей Кира и Камбиса Пасаргадами (см. например, W. H i n z, ZDMG, 102, 1952, стр. 35—36). В персепольских документах на эламском языке упоминается местность Hardaduschi, которая, по G. S a m e r o n, Persepolis treasury tablets, Chicago, 1948, стр. 12, табличка № 41, соответствует горе Аракадриш. Если это соответствие верно, оно служит лишним доказательством, что восстание Гауматы началось в восточной Персии.

ками». Но при убийстве Гауматы, как об этом единодушно говорят все источники, у Дария было шесть, а не семь помощников.

Автор считает, что убийцы Гауматы являлись «основателями ведущих знатных родов последаршевой Ахеменидской державы» (стр. 434, прим. 3, см. также стр. 23). Однако эти роды существовали, по меньшей мере, уже при Кире II³ и, следовательно, не могли быть основаны современниками Дария.

Автор переводит знаменитый § 14 Бехистунской надписи⁴: «Я восстановил народу-войску пастбища (?), (движимое) имущество и домашнюю (челядь), и (именно) по общинным (родовым) поселениям, что отнял маг Гаумата» (стр. 427). Этот перевод вызывает возражения: во-первых, энклитический союз -сā в viθbiscā показывает, что это слово находится в неразрывной связи с предшествующими ему прямыми дополнениями abicariš gaiθamcā māniyamcā (ср. оборот Auramazdā artācā «Ахура-Мазда вместе с Артой»). Во-вторых, слово māniya, как показал Гершевич (см. АМ, N. S., II, 1952, стр. 142), имеет значение «домашний раб». В рассматриваемом месте оно употреблено в собирательном смысле. Поэтому нельзя принять предложенный автором перевод «домашнюю (челядь)». Слово viθ следует переводить «хозяйство», а не «общинное родовое поселение». Кроме того, в переводе И. М. Дьяконова осталось без перевода местоимение -diš (tyādiš).

Автор попытался также дать перевод строк 49—50 эламского варианта надписи, которые соответствуют § 14 персидского варианта. Однако, поскольку эламский язык все еще остается очень темным, нам представляется преждевременным давать эламский текст в нормализованной транскрипции, как это делает И. М. Дьяконов. С нашей точки зрения эти строки следует транскрибировать и переводить следующим образом: m⁵ū^m[taš]-šū-īp-na lu-taš a-ak áš a-ak^mkur-taš a-ak [h⁶u-EL-man-pu-i]-p-ma⁷ ap pi-li-ya⁸ ap-ra^mKam-ma-ad-da ak-[ka] m^mma-ku-iš e-ma⁹ ap

³ См., например, Нег., III, 2; Хен., Сугор., VIII, 3, 21.

⁴ adam niyθārayam kārāhyā abicariš gaiθamcā māniyamcā viθbiscā tyādiš Gaumāta hya maguš adinā.

⁵ Знаком m мы передаем знак Υ , который в эламской клинописи является детерминативом для обозначения лиц.

⁶ h передает знак \triangleright , который является детерминативом для обозначения места.

⁷ Восстановление, хотя слово почти полностью разрушено, не вызывает сомнений, так как оно подкрепляется соответствующими местами других вариантов Бехистунской надписи. Транскрипция И. М. Дьяконова ulam (?) mapu.p.ma (дано без скобок) сомнительна, так как знак EL, по всей вероятности, не читался как lam. Последнее чтение было предложено Хюзингом, который сравнивал эламское u-EL-man-pu с еврейским עלמ (OLZ, 6, 1903, стб. 370). Однако эта этимология представляется крайне неубедительной и отвергается большинством исследователей. J. H a r m a t t a, «Acta Linguistica», V (1955), стр. 281 сл., показал, что знак EL имеет еще чтение gam, но не lam.

⁸ И. М. Дьяконов транскрибирует это место apri liya, возвращаясь тем самым к чтению Кинга и Томисона (см. их издание Бехистунской надписи, стр. 104—105). Он, по-видимому, считает, что здесь следует видеть глагол li «давать», засвидетельствованный в персепольских табличках на эламском языке. Но лучше оставить чтение pi-li-ya (предложенное Фои и Вейсбахом, ZDMG, 54, стр. 352) со значением «восстанавливать», «возвращать», так как в персидском варианте стоит не глагол со значением «давать», а piyaθag «восстанавливать». В аккадском варианте также в соответствующем месте употреблен не глагол ndn «давать», а twt «возвращать».

⁹ И. М. Дьяконов слово e-ma переводит «в». Нам кажется, что слово это следует переводить «у». Ср. след. пример с его фонетическим вариантом e-mi (Бехистунская надпись, § 12): sunki-me [hu-be ap]-pa^mKam-ma-ad-[da ak]-ka^mma-[ku]-iš^mKān-pu-ši-ya e-mi du-iš-ti, и ряд других примеров, где e-ma//e-mi надо переводить «у», т. е. «царство [это], которое маг Гаумата отнял у Камбиса».

du-iš-da¹⁰ «Я [на]рода lu-taš и áš и рабов (?) и в [хозяйствах] ему восстановил (то), что маг Гаумата отнял у него». Местоимение множественного числа ар мы перевели единственным числом, так как оно согласовано с taš-šu-ír «народ-войско», что является tantum plurale. И. М. Дьяконов связывает ар с u-EL-na-an-ци, но, пожалуй, оно скорее связано с taš-šu-ír, у которого были отобраны различные виды имущества. Значение слов lu-taš и áš неизвестно.

И. М. Дьяконов полагает, что реформы Гауматы были направлены против «местной родовой знати», которая «не была привлечена ко двору — ни в войско, ни в администрацию» (стр. 433), что Гаумата не тронул «крупную придворную и военно-служилую знать» (стр. 434), которая «не имела патриархальных связей на местах, пользовавшихся ей держать своих соплеменников в патриархальной зависимости» (стр. 440). Знать эта, по мнению автора, «выиграла более всего и политически от развернувшихся событий» (стр. 440).

На это надо прежде всего возразить, что «крупная придворная и военно-служилая знать» ко времени восстания Гауматы если не целиком, то в массе своей состояла из представителей родовой знати. Сам автор (стр. 434, прим. 2) указывает на то, что Гобрий (один из убийц Гауматы) принадлежал к родовой знати и в то же время — к военно-служилой знати. Кроме того, как показывают источники, все шесть соратников Дария являлись представителями шести знатнейших родов персов, но одновременно они занимали ведущее положение в администрации и в армии, сосредоточив в своих руках важнейшие должности, что мы видим на примере Гобрия, Интаферна и др. Никаких данных о служилой знати, отличной от знати родовой, мы для Персии конца VI века до н. э. не имеем. Поэтому автор неправ, полагая, что от событий 522—521 годов выиграла военно-служилая знать как таковая. Уже пример Гобрия показывает, что реформы Гауматы затронули военно-служилую знать, которая, как мы видели, была и родовой знатью. Поэтому И. М. Дьяконов прав, полагая, что пострадавшие от реформ Гауматы являлись представителями родовой знати, но нельзя согласиться с тенденцией автора свести сущность переворота Гауматы к борьбе различных жреческих групп. Он пишет, что «суть дела заключалась в это время (т. е. во время царствования Гауматы), вероятно, уже только в конкуренции между различными корпорациями жречества и их борьбе за власть, за политическое и экономическое могущество» (стр. 432). Достаточно отметить, что источники знают только одну жреческую корпорацию, а именно магов. Других сколько-нибудь серьезных жреческих групп история древней Персии и Мидии не знает. С нашей точки зрения, причины переворота Гауматы надо искать не в борьбе жрецов и их групп между собой, а в исторических условиях развития персидского общества к 20-м годам VI в. до н. э., когда между царской властью, стремившейся к усилению централизации, и родовой знатью, отстаивавшей свои прежние привилегии, возник острый конфликт. Борьба царской власти против персидской родовой знати началась еще при Камбисе и продолжалась при Гаумате. Поэтому автор, по нашему мнению, неправ, когда он переворот Гауматы рассматривает совершенно изолированно от социальной политики Камбиса, которого он, следуя ходячему мнению, называет «деспотичным и взбалмошным сыном Кира» (стр. 426).

Дальнейшие наши замечания касаются зороастризма. Вопросы, связанные с религией мидян, в рецензируемой книге по праву занимают значительное место. Однако с некоторыми положениями автора согласиться трудно. Объявляя учение Заратуштры реакционным, И. М. Дьяконов, по существу, упрощает вопрос. Автор подходит к этой проблеме без строгого учета различия между учением Гат и положениями Младшей Авесты. На стр. 388 (см. также стр. 55) он пишет, что «к чужим народам зороастризм внушает ненависть», что зороастризм призывает уничтожить как порождение зла «всех иноземцев-„туранцев“». Однако в Гатах ненависть внушается к кочевым племенам, которые своими постоянными разбойничьими набегами разоряли

¹⁰ Транскрипция artu.š.ta, которую предлагает И. М. Дьяконов, очевидно, невозможна, так как ар является местоимением, а du-iš-da глагольной формой. Следовательно, мы здесь имеем дело не с одним, а с двумя разными словами.

хозяйства оседлых племен. При этом важно иметь в виду, что те туранцы, к борьбе против которых призывал зороастризм, являлись не чуждыми «арийцам» народами, а иранскими кочевыми племенами. Поэтому страстный призыв Заратуштры к защите хозяйств оседлых племен нельзя считать человеконенавистническим.

На стр. 389 автор пишет, что главную причину реакционности зороастризма следует видеть в том, что он «подменяет действительную борьбу за улучшение положения народа призывом к обрядово-этической праведности». Здесь автор опять-таки переносит картину Младшей Авесты на Гаты, где нет почти никаких предписаний ритуального характера, где эсхатологическое учение еще находится в зародыше, где, в действительности, звучит убедительный призыв к борьбе за переход к оседлой жизни. Учение Заратуштры первоначально содержало в себе много демократических элементов, выступало против хищнического истребления скота и вменяло каждому верующему в обязанность перейти к оседлому образу жизни. Возникновение и распространение зороастризма в его начальный период было, по нашему мнению, прогрессивным явлением, если к его оценке подходить, учитывая исторические условия жизни среднеазиатских иранских племен при переходе их к оседлой жизни.

На стр. 387—388 автор пишет, что, согласно Гатам, злой мир создан Ангрх Манью. Однако, согласно Ясне XXX, 2, Ахура-Мазда сначала создал мир, а потом часть существ (dāeva) путем сознательного выбора примкнули к Ангрх Манью. Таким образом, Гаты не считают последнего создателем злого мира.

Автор утверждает, что учение Гат (значит, самого Заратуштры) не было «собственно зороастризмом», что таковым была религия сасанидского Ирана. Согласно автору, «не было четкой грани между привычными старыми верованиями и зороастрийскими», учение Гат нельзя называть зороастризмом «хотя бы уже потому, что очень трудно провести реальную грань и показать, где кончается учение Заратуштры и где начинается „естественная“ племенная религия» (стр. 400, см. также стр. 398—399). Однако даже при самом беглом знакомстве с Гатами разница между их религиозным содержанием и старой индо-иранской религией бросается в глаза совершенно отчетливо. Заратуштра провел в жизнь кардинальную религиозную реформу, возвестив веру только в одного Ахура-Мазду и его конечную победу и отвергнув все племенные божества, поставив их ниже Ахура-Мазды, превратив их в его различные абстракции. А в Младшей Авесте мы видим не отход от племенной религии, как полагает автор, а возврат к этой религии, возрождение древней иранской религии с ее обожествлением стихийных сил природы. Поэтому собственно зороастризмом скорее следует называть учение именно Гат, а не Младшей Авесты, когда из зороастризма было выброшено все демократическое, прогрессивное, когда больше всего внимание обращалось на выполнение различных предписаний обрядового характера.

Наконец следует отметить, что в некоторых случаях переводы, данные автором, неверны. Напр., слова Бехистунской надписи (I, 47) *hauc āyasaṭā uvāirašiyam* почему-то переведены «он поступал по своему желанию» (стр. 427) вместо правильного: «он (т. е. Гаумата) захватил в свою собственность». На стр. 428 автор переводит выражение из Бехистунской надписи (I, 70—71): *adam hamataxšaiy. . . yaša Gaumāta hya maguš višam tuāim amāxam naiu raḡāvara* «я потрудился... чтобы как прежде (было), пока маг Гауматы не захватил (власть у) нашего рода». Однако такой перевод неверен. Слова со значением «как прежде», «пока» в приведенном тексте совершенно отсутствуют. Слово *yaša* здесь имеет, как и во многих других случаях, не темпоральное, а каузативное значение. *viš* нельзя переводить «род». Приведенное выше место следует перевести: «Я трудился... чтобы маг Гаумата не захватил наш дом». На стр. 295 (прим. 1 к стр. 294) стихи 774—75 из пьесы Эсхила «Персы» *πέμπτος δὲ Μάρδος ἤρξεν, ἀίσχύνη πῆτρῃ θρόνοισι τ' ἀρχαίοισι* автор переводит «пятым же правил Мардис, позор отцу, престолам и царствам». Нет надобности доказывать, что такой перевод неверен. Эти стихи следует перевести «правил пятым Мард, позор отечеству и древнему престолу». Стих 772 из того же произведения *θεὸς γὰρ οὐκ ἤχθηρεν* автор переводит «ибо бог не спорил» (там же) вместо правильного «ибо бог не ненавидел».

М. А. Дандамаев